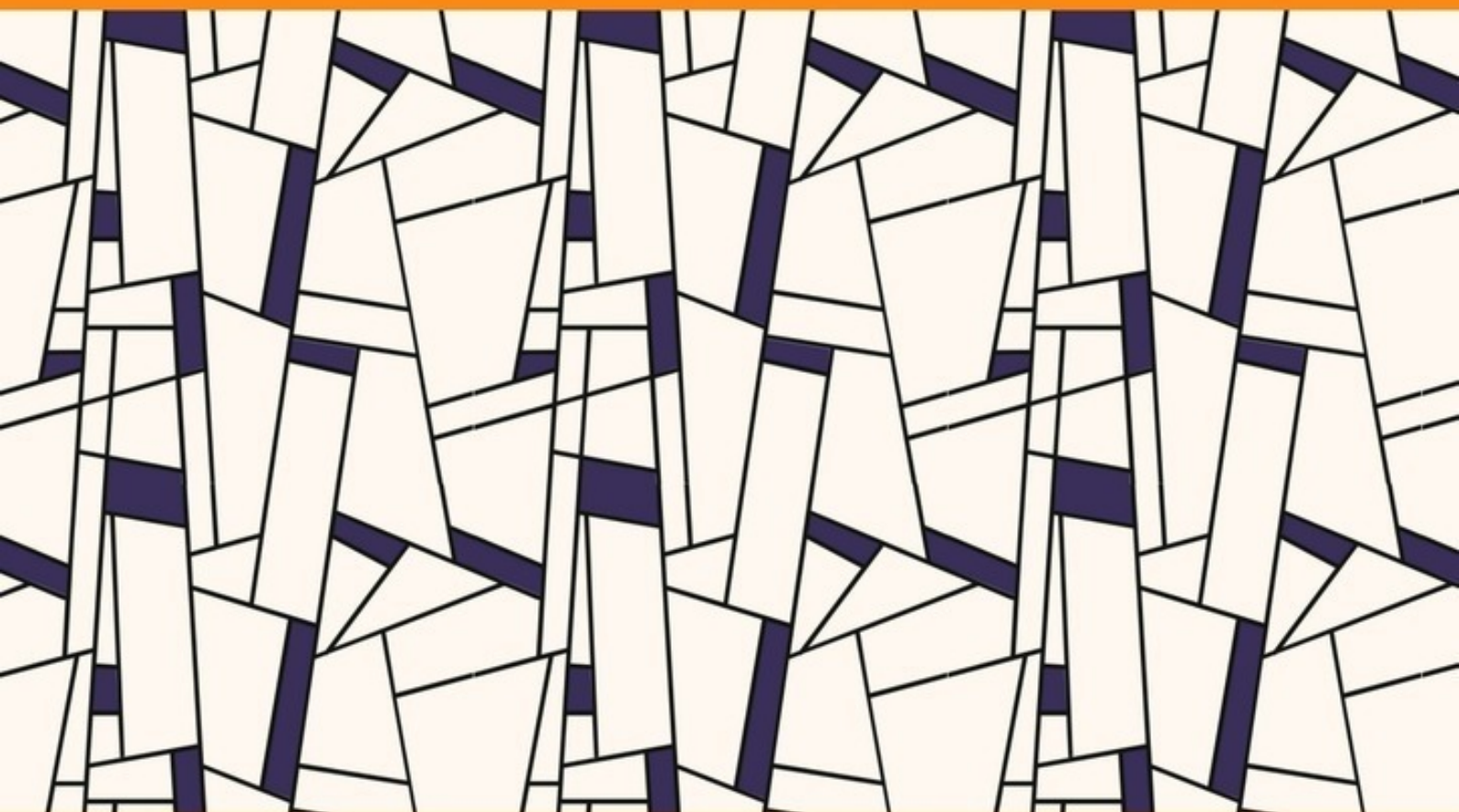

Александр Комов

МОДЕЛЬ БЕЗ КОМПАСА

Вспомнить предназначение

Александр Комов

**Модель без компаса.
Вспомнить предназначение**

«Издательские решения»

Комов А.

Модель без компаса. Вспомнить предназначение / А. Комов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-836712-0

Оказавшись без компаса в открытом море, легко сбиться с курса. Но что, если целая цивилизация потеряла ориентиры развития? В своих метафорических путешествиях главный герой этой книги пытается помочь затерянному в лабиринтах мироздания анклаву вернуться к своему предназначению.

ISBN 978-5-44-836712-0

© Комов А.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Первая часть. Завод	7
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Модель без компаса
Вспомнить предназначение
Александр Комов

Человек видит мозгом, а не глазами
Физиологи

© Александр Комов, 2017

ISBN 978-5-4483-6712-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Конверт проскользнул в щель почтового ящика и глухо ударился торцом о его металлическое доннышко. На плотной белой бумаге стоял нечеткий штемпель авиапочты, а в графе отправитель значилась некая гражданка Соединенных Штатов Америки.

Цепляясь липкими от пота пальцами за каменный выступ, чтобы не врезаться в стену, Хоуп повернул за угол. Не снижая скорости, он мчался по темным сырým коридорам. Черно-зеленые от копоти редких факелов и плесени стены срастались у него над головой. Усиленным слухом он улавливал хлюпающие по воде шаги преследователей.

Коридор разветвлялся, Хоуп юркнул вправо, миновал еще две развилки придерживаясь все той же стены, оказался в небольшой квадратной комнатухе из которой вели три двери. Он остановился и тяжело дыша согнулся пополам, пеннистая слюна эластичной ниточкой свисала почти до пола. Несмотря на приток дополнительной энергии, которой он обеспечивал себя во время каждой из таких маленьких передышек, организм был невероятно вымотан, а шансов выбраться из этого мрачного лабиринта становилось все меньше и меньше.

Хоупу потребовалось всего несколько секунд чтобы решиться, он соскоблил остатки своих сил, подпрыгнул поджав ноги и двумя кулаками ударил по потолку. Раздался грохот, треск, хруст, скрежет и Хоуп вместе с потолком обрушился на пол. Обломки камней застучали о черно-зеленые плесневелые стены, а Хоуп, проломив перекрытие толщиной не менее полуметра, рухнул в маленький погреб. Наполовину заваленный гнилыми балками, камнями и пылью, он понял, что не сумеет выбраться из-под всего этого и что вместо освобождения он навлек на себя провал.

Как ни грустно ему было это осознать, но эту Модель ему необходимо было покинуть. Он провел тут меньше суток, когда межмодельные контролеры «Бяки», что гнались за ним по этому лабиринту, вышли на его след. А покинув Модель, так и не разобравшись в ней, значило с большой вероятностью так и оставить ее загадкой для себя, ведь вернуться обратно ему вряд ли удастся. Его путешествия и переходы всегда носили случайный характер и лишь на свою Родину он мог перемещаться осознанно и уверенно.

Первая часть. Завод

Если сильно зажмурить глаза, а потом надавить на них пальцами, получаются удивительные динамические картинки, состоящие из пляшущих лужиц, покрытых желтовато-белой люминесцентной краской. Если продолжать давить еще некоторое время, то появится боль сначала в глазах, а затем чуть повыше переносицы, как раз между бровей. Из лужиц при этом будут вытекать ручейки, помогая им объединиться в озера, а потом в целые моря и океаны, в которых лишь кое-где будут раскиданы черные островки.

Так вот, если теперь все это повернуть шиворот на выворот, то есть сначала нужный островок, потом озеро, ручейки, боль, люминесцентные лужицы, затем просто слепящая темнота и наконец, наконец глаза открываются и человек видит окружающее его пространство, ну и если последним штришком удалить сам факт открывания глаз, предположив тем самым, что все это происходит с открытыми глазами, то будем иметь точную гамму зрительных впечатлений, получаемых человеком по прибытии в новую модель.

Когда из блестящей черно-белой тьмы окончательно проявилось местность, Хоуп с облегчением выдохнул и улыбнулся. Во время путешествия у него всегда повышалось давление, крутило живот и потели ладони. Хотя в данном случае это было не удивительно – воздух вокруг был не то, чтобы теплым, а избыточно нагретым. Хоуп легонько потряс рубашку, пытаясь охладиться, и вытер тыльной стороной руки ледяной пот над верхней губой – еще один результат межмодельного перехода.

В условную бесконечность простиралось ровное зеленое поле, на котором кое-где росли одинокие деревья. Голубое небо было словно его отражением, только в другой цветовой гамме, по аналогии украшенное редко разбросанными облачками.

Хоуп развернулся на сто восемьдесят градусов и концепция пейзажа изменилась настолько же, насколько в его родной модели изменилась вселенная «до» и «во время» взрыва. Теперь никакой бесконечности на горизонте не было и в помине, в первую очередь перед ним был Город, огромный высоченный Город. Сначала он бросался в глаза весь целиком и лишь спустя некоторое время, когда глаза привыкали к нему, как привыкают к внезапно обрушившейся темноте, можно было различить его детали. С этой стороны его общие очертания выглядели почти симметрично, но точнее будет назвать это непринужденной гармонией, нежели четко выверенной симметрией. В центре возвышались две искуснейшие башни, хотя скорее создавалось впечатление, что они, словно сталагмиты, свешиваются с голубого потолка неба, нежели имеют свой фундамент в земле. Сам их вид не имел ничего схожего с параллелепипедообразными небоскребами, фасады которых состоят исключительно из тонированных стекол. На первый взгляд, башни были сложены из кирпича или другого камня, но Хоуп не взялся бы утверждать это. Каждая имела свою форму, рельеф, фигуру, легко различаемую даже с такого большого расстояния. Самый же интересный нюанс формы был заключен в верхушках, не столько каждой в отдельности, сколько обеих вместе. Одна представляла собой усеченную пирамиду, обращенную большим основанием вверх, а меньшее основание имело точно такую же площадь, как и сечение башни, таким образом, создавалось впечатление, что обыкновенная пирамида вставлена в башню вниз верхушкой. Вторая верхушка была неким дополнением первой, здесь тоже все было замешано на пирамидах. Хоуп вспомнил, что составлял нечто похожее давным-давно из кубиков на ковре в детском саду. В то время на его Родине дела обстояли так, что даже абсолютно беззащитному ребенку приходилось бороться за свои желания, в данном случае, со слезами добывая себе кубики у других детей для своей башенки. Так вот тогда его башенка состояла из двух кубиков и одной синей пирамидки, за которой он стоял в очереди полчаса, ожидая, пока с ней наиграются трое его товарищей, причем кому-то она служила массажером, кому-то кучкой песка, периодически выгружаемой и загружаемой

обратно большой грузовой машиной, а кто-то и вовсе использовал ее как летающую тарелку. Самый же затейливый фокус этих двух башен состоял в том, что грани их пирамид подходили друг другу с завидной точностью. Если бы они были людьми в какой-нибудь из моделей, где о любви и межполовых отношениях сложено немало предложений, то одно из них могло звучать так: «Мы с Дженни были как стручок и горошина» или «они жили долго и счастливо и умерли в один день». Другими словами, обе верхушки были половинками призмы, волей архитекторов разделенной напополам.

Непосредственно вокруг этих башен была ниша, окружающие их здания хоть и состояли не меньше, чем из восьмидесяти этажей, но уступали им как на треть высоты так и в половину изящности.

Левее от центра значилось еще одно очень любопытное сооружение, похожее на длинную вязальную спицу, воткнутую в землю, сверху на которую аккуратненько нанизана переспелая вишня. Да так нанизана, что вниз по спице с нее потекла единственная капелька. Точную высоту сооружения определить было трудно, но Хоупу она казалось не меньше башен-пирамид.

Еще левее, среди прочих высотных зданий, выделялась пара-тройка тех, что повыше и выглядевших поинтересней, но Хоуп понял, что рассматривать эту картину можно целую модельную вечность, ведь она из тех, в которых каждый раз находишь толи отражение своей былой невнимательности, толи нового приобретенного опыта и качеств.

И вот, лишь спустя некоторое время, Хоуп смог обратить внимание на то, что лежало непосредственно между ним и таким необычным даже для него, бывалого путешественника и исследователя, каким он себя считал, городом. Маленькие, по сравнению с исполинскими башнями, домики, разбросанные по обе стороны серебристой от солнца реки, были лишены той масштабности. Однако, присмотревшись получше, Хоуп в очередной раз мысленно подмигнул высказыванию, в той или иной форме встречаемому им на разных моделях, утверждающему несправедливость поспешных суждений, касающихся с виду маленьких или непримечательных вещей.

Надо заранее отметить, что в дальнейшем оказалось, что сколь эта деревушка была незаметной при созерцании Города, столь же Город был незаметен при любовании ею.

Обрадовавшись, что как бы там дело ни пошло дальше, он все равно обогатил свой эстетический фонд на несколько великолепных образов, Хоуп решил не идти сразу в Город, а предварительно изучить Деревушку. И определяющим фактором тут было не его постоянное стремление к истинному назначению какого-либо действия, а скорее его интерес к вещам, содержащим в себе истинную красоту и чистый, не опошленный смысл, пускай даже и не очень глубокий или правильный. В данном случае, эти дорожки лежали так же близко и вели в одно и то же место, как и рельсы узкоколейной железной дороги и ему не надо было размышлять, чтобы выбрать, по какой же из них двигаться вперед. Он просто сделал свой первый шаг на этой модели в направлении Деревушки и кучи событий, открытий, комплексную взаимосвязь которых зачастую и принимают за жизнь.

Чем ближе он подходил к домикам, тем отчетливее была их необычная внешность, выражающаяся неброско, через оригинальные изюминки, присущие каждому строению в отдельности. Но долго концентрировать на этом внимание не удавалось. Хоуп успел отметить для себя старинный колодец-журавль, непонятным ему механизмом связанный с крышей рядом стоящего дома, оформленном в том же стиле; еще один дом с чудными ставнями, судя по всему, закрывающимися как лепестки розы и прозрачную крышу в виде полуцилиндра. После этого его внимание перекинулось на стоящий в конце улицы особняк: четыре этажа, колонны, леп-

нина, спокойный светло-желтый цвет. Большой круглый циферблат на мансарде показывал время на шкале с четырьмя большими отметинами друг напротив друга и еще четыре отметины поменьше были повернуты относительно больших на половину каждой четверти. В родной модели Хоупа это значило 45 градусов, а как это называлось тут, он еще не знал.

Проходя по дугообразному мостику через реку, Хоуп обратил внимание на перила и материал, из которого они были сделаны. Ничего подобного он не встречал ни на одной другой модели. На вид они были обыкновенными перилами, к которым он привык, но схватившись за них, рука словно погрузилась в чуть теплое дрожжевое тесто, из которого давным-давно бабушка пекла ему пироги и ватрушки, а он, будучи еще совсем малюткой, лепил фигурки местных животных и человечков. Схватившись за перила на этом мосту, он испытал сильные впечатления, своей неожиданностью вернувшие его в детство на мгновения, показавшиеся очень долгими и глубокими. Все-таки для человека его занятий опасны сильные, а главное, неожиданные эмоциональные потрясения и чем больше они находят откликов в его сознании, тем неожиданней может быть результат.

Отняв руку, Хоуп внимательно рассмотрел ее – никаких следов приставшего теста или другой субстанции он не обнаружил. Никакого налета жира и никакой сухости кожи. Перила, тем временем, приняли форму, которую имели до этого.

Хоуп решил, что рациональней будет перестать удивляться каждой травинке, иначе на это уйдет так много времени, что его пребывание здесь потеряет большую долю смысла. Конечно, он видел много интересного, оригинального и необычного, ведь достаточно покинуть родную страну и в глаза сразу же начинают бросаться забавные пустяки и мелочи, а когда в первый раз он покинул родную модель, то поставить возбужденные мозги на место ему удалось только изрядно сконцентрировавшись. Но на этот раз ему попала модель, преисполненная красотой и эстетикой, а в своем естественном, чистом виде эти вещи встречаются крайне редко. Следует особенно отметить, что имеется в виду красота и эстетика не конкретно естественных, то есть природных явлений, а любых – будь то танцующий древний танец робот или его изображение на картине талантливого художника, главное, чтобы оба этих явления излучали тот истинный смысл, который в них и заложен, а не были бы суррогатом оттенков идей и чувственных позывов, смешанных неумелым творцом на грязной палитре.

Перейдя мостик, он прошел по дорожке метров двадцать до первого перекрестка и, повернув направо, зашагал по широкой мощеной камнем улице в сторону светло-желтого особняка. Камни были подогнаны один под другой так аккуратно, что складывалось впечатление будто мостовая это единый природный массив, а все стыки ее элементов являлись лишь декоративными насечками, имитирующими составную структуру покрытия. Идти было легко и приятно.

Навстречу шли несколько человек. Мужчина и женщина не спеша прогуливались, игриво размахивая сцепленными вместе руками, они улыбались и о чем-то весело болтали. Одеты они были легко и просто – светлые брюки и рубашка на мужчине и длинное до лодыжек сиреневое платье на женщине. Проходя мимо Хоупа, они окинули его заинтересованными взглядами, но при этом не переставали говорить о своем, и тем самым не доставили ему никаких неудобств.

Еще несколько человек гуляли по этой улице. Двое мальчишек весело шагали, широко размахивая руками, сжав в них котомки с вещами. Хоупу вспомнилось, что когда он учился в школе, то иногда целыми полугодиями на занятия им нужно было приходиться во вторую смену, то есть после обеда. Тогда можно было вдоволь высыпаться, вальяжно вставать с кровати, шурясь от задорно бьющего в окно солнца и проходить на кухню, где его уже ждала бабушка и завтрак. В такие моменты он ощущал непередаваемое чувство превосходства над окружающим миром. Многие его друзья уже были в школе и прикрывали сонные глаза от насмешливо висящего за окнами класса солнца, взрослые были на работе, а он принадлежал

к избранной группе людей, имеющих право смотреть утренние повторы вчерашних сериалов и скучные двенадцатичасовые новости.

На встречу мальчишкам семенила по своим делам старуха, те замедлили шаг, поравнявшись с ней, и поздоровались.

До особняка было еще приличное расстояние, когда Хоуп, по ходу разглядывающий окружающую местность, наткнулся на очень заманчивую улочку. Она шла перпендикулярно его мостовой и представляла собой аллею из неизвестных ему деревьев, сейчас был как раз период их цветения, и они напоминали сирень, росшую под окном квартиры, где он провел все детство, только тут цветки были крупнее и имели более яркий оттенок.

Неожиданно ясно ощутив, что все хорошее и прекрасное тут неспроста и легкой эта экспедиция не будет, Хоуп свернул на аллею, оставив затею посетить особняк на потом. Аллея состояла из трех дорожек: центральной, самой широкой, расположенной как раз между двумя рядами деревьев, и еще две дорожки раза в три поуже бежали с каждой из сторон за деревьями. Хоуп шел сначала по центральной, но затем, решив привлечь поменьше внимания, подошел поближе к деревьям, оторвал ветку с цветами, нырнул под низко спускающуюся листву и оказался по другую сторону ярко сиреневой стены. Тут идти приходилось осторожнее, дорожка была совсем узенькая и служила скорее разделительной линией между деревенской улицей и участками, примыкающими к домам. Кое-где на них был обыкновенный ровный газон, кое-где росли похожие на рожь колоски, а на одном участке Хоуп разглядел большущую грядку похожих на картошку растений. Как и полагается, она была прополота и окучена землей со всех сторон.

Получилось так, что он проходил как раз мимо засаженного высокой рожью огородика и из-за волнующихся словно океан колосков появилась сначала крышка колодца, а затем... , затем Хоуп увидел склоненную к ней спину девушки с черной полоской купальника посередине. Он решил начать знакомство с местными жителями именно с нее.

Он сделал еще несколько шагов и рожь, или что бы там ни было, осталась позади, перед ним была полянка с колодцем, закрытым крышей-шалашом в виде буквы «Л». На одной из стенок имелась дверь, открыв которую можно было добраться до воды. Девушка не замечала его. Выше пояса она была скрыта внутри «шалаша» – возилась там с ведром, о чем свидетельствовал звонкий звук бьющейся об него цепи.

С улыбкой Хоуп отметил про себя, что и нижняя часть туловища, которая на тот момент была доступна его взгляду, прикрыта лишь зелеными купальными трусиками.

«Ишь какая, купальщица-работяга мне попалась», – подумал Хоуп и сделал еще пару шагов, чтобы оказаться сбоку от девушки, а не за ее спиной.

Девушка справилась с ведром и теперь ей нужно было окончательно вытащить его наружу. Она выпрямилась, лопатки сдвинулись ближе к позвоночнику, показались собранные в хвост черные волос, шея с серебряного цвета цепочкой, потом Хоуп увидел ее лицо в профиль и, наконец, девушка стала доступна его взгляду полностью с пяток и до макушки. Она стояла боком к нему обеими руками придерживая ведро за ручку.

– Вам помочь? – спросил Хоуп.

– Ой! – вскрикнула она и машинально отдернула руки к груди, ведро тут же, подчиняясь не столько законам физики, сколько законам подлости, опрокинулось обратно в колодец, спровоцировав тем самым огромное количество звуковых волн абсолютно отвратительного содержания – цепь гремела, грохотала и лязгала на все лады, пока полностью не размоталась.

– Ах ты! – еще раз вскрикнула девушка, реагируя на вторую для себя неожиданность за последние три секунды. – Ну что ты будешь делать!

Вместо того, чтобы броситься к колодцу, изображая стремление схватить падающее ведро и хоть как-нибудь смягчить неудачный эффект своего появления, Хоуп стоял на месте и широко улыбался. С его опытом и знаниями он больше чем в половине случаев поступал рационально, что в итоге сэкономило ему миллиарды единиц силы и столько же единиц времени. Но девушке все это было невдомек и она, прищурив глаза от солнца и досады, смотрела на него очень внимательно и выжидающе.

– Извините пожалуйста. Я не хотел Вас напугать и уж тем более не хотел, чтобы все так неприятно вышло с ведром. Наоборот – хотел помочь.

Девушка широко и отработано улыбнулась одними губами, показав беленькие зубки, и сказала:

– Пустяки, ничего страшного.

– Не откажитесь от моей помощи?

Она повторила улыбку и ответила:

– Не стоит, спасибо, я сама справлюсь.

Хоуп, конечно, имел все необходимые представления о вежливости, такте, галантности, приличиях, причем в различных вариациях, встречающихся от модели к модели, но слишком долго в понятные ему игры предпочитал не играть. Тут ему на первый взгляд все было ясно, а так как модели отличаются друг от друга не в том направлении, в каком один вымышленный мир из книжки научной фантастики отличается от другого – о чем, собственно, можно судить по разнице в названиях «модель» и «мир» – то оснований полагать, что в отказе девушки лежит что-то большее, чем обыкновенная вежливость, не было.

Продолжая улыбаться, он подошел к колодцу.

– Я все-таки помогу, так уж вышло, что там, откуда я родом, мужчины не наблюдают за тем, как женщины выполняют тяжелую физическую работу, – очень аккуратно и плавно он отстранил ее рукой от колодца. Не рассчитав расстояние до девушки, он на мгновение коснулся ее живота, окрашенного загаром, но тут же остановил руку, дав девушке самой отодвинуться.

На треть заполненное водой ведро плавало внизу вместе с излишками размотанной цепи. Хоуп пошурудил ее, чем заставил ведро наполниться до края и начал наматывать стальные звенья на бревно. Их звонкие удары о стенки колодца, скрип мокрого дерева, плеск воды – эти звуки вызвали в Хоупе еще одно ярчайшее воспоминание, связанное с детством. Он вдруг оказался маленьким возле старого деревенского колодца, куда они часто ходили за водой с бабушкой. Вокруг него всегда было грязно от пролитой воды, пахло мокрой травой и коровьим навозом, разопревшим под жарким солнцем, но стоило лишь открыть дверцу, как из недр самой земли тебя обдавало прохладной свежестью. Маленькому Хоупу казалось, что в каждом колодце непременно скрыта какая-нибудь тайна. С ним обязательно должна быть связана интересная история о кладе или чем-нибудь потустороннем, мистическом.

Через минуту ведро стояло там же, откуда свалилось совсем недавно.

– Вот сюда, пожалуйста, – девушка пододвинула поближе к колодцу большую канистру оранжевого цвета. Хоуп не мог знать, в чем измеряется объем жидкости в этой модели, но для себя отметил, что в канистру влезло бы литров пятнадцать.

Чтобы наполнить ее Хоупу пришлось набрать еще одно ведро. Когда он закончил, девушка поблагодарила его, нагнулась и взяла канистру одной рукой за ручку, а второй подхватила за дно.

– Стоп, стоп! – не дал ей разогнуться Хоуп. – Я еще не закончил, рано меня благодарить. Я помогу донести.

На этот раз она не стала сильно противиться, лишь вздохнула и сказала несколько слов: «да это не обязательно, я и сама могу, это не сложно».

Выпрямившись с канистрой в руках, Хоуп почувствовал, что в очередной раз сорвал себе поясницу. «В двадцать-то шесть лет мучаться с такими проблемами! Смех!» – часто подшу-

чивал он сам над собой, но проблемы были и мучаться с ними тоже приходилось, несмотря на все его могущество относительно способов их решения.

– Куда нести?

Девушка кивнула в сторону стоящего в глубине участка домика.

– Это твой дом?

– Да. Он совсем новый, мы его построили недавно.

– Вот оно как? – от усталости Хоуп еле передвигал ногами, разговаривал и параллельно пытался сообразить, хватит ли ему физических сил без привлечения дополнительных ресурсов к использованию которых он часто прибегал на чужих моделях, дотащить эту канистру до нужного места. Конечно, будь это чрезвычайно важно, он бы потратил несколько минут, но в итоге поднял бы целый железнодорожный вагон и смог бы отнести его хоть на край модели.

– Старый дом стоял гораздо ближе к дороге, но он сгорел. Вон там, – девушка махнула рукой в заросли травы, – фундамент. Только он и остался. А домик был – загляденье.

Хоуп даже не подумал интересоваться причиной пожара. По возможности он предпочитал не задавать пустых вопросов, если ответы на них не несли полезной для него информации или удовольствия.

– А как тебя зовут? – спросил он.

– Крис.

– Это полное имя, да?

– Ну не то, чтобы совсем полное, – Крис рассмеялась, – но для начала его вполне хватит.

Почувствовав шуточный тон разговора, Хоуп откинул в своем сознании несколько фильтров и отключил пару отделов. Конечно, он не был роботом или каким-нибудь производным от него, поэтому в прямом смысле слов, смысле, который присущ им на его родной модели, он ничего не откидывал и ничего не отключал, просто на мгновение у него возникла мысль о характере беседы и о том, что ему надо чуть-чуть подстроиться под нее. Он даже не обдумывал это, в голове просто мелькнул образ, несущий всю эту информацию, и она тут же была усвоена мозгом. Сам же Хоуп был словно поставлен в известность собственным сознанием – дескать, так и так, подстроились под беседу.

Ему нравилась девушка. Действительно нравилась. На голову ниже его, стройная, но не худая, красивые ноги, бедра, изгибы, хорошая грудь, симпатичная цепочка своей белизной добавляет свежести загоревшему телу. Собранные сзади в хвостик волосы позволяли как следует рассмотреть лицо. Хоупу нравились такие лица. В нем не было пошлости, глупости, сальности и лабиринтов скудоумия, а было как раз то, что он любил. Однако же существовал один нюанс, который отличал девушку Крис, которой он помогал дотащить канистру до дома, от остальных девушек, которые даже при наличии такой же внешности не удостоились бы с его стороны и трехсекундного взгляда. Конечно, когда он останавливался около колодца он этого видеть не мог, но двигал им тогда рабочий интерес, и несмотря на то, что свою помощь он предложил раньше, чем смог рассмотреть этот нюанс, все общение с девушкой могло закончиться очень быстро, ограничившись фразами типа: «не подскажите, где здесь гостиница» или «а это вообще, что за деревня, а то я от экскурсии отбился». Но всмотревшись в очень приятное ему лицо, он заметил одну очаровательную особенность – Крис слегка раскрывала губы, словно хотела что-то сказать или будто у нее не дышал нос и воздух поступал в легкие через рот. И эта незаконченность, неопределенность, что же она сделает дальше, так умиляла и так интриговала его, что он неожиданно сам для себя действительно метнулся ей помогать, да еще как! Без подготовки, вымотанный еще в предыдущей модели! В очередной раз сорвав себе поясницу.

Вступать в какие-либо отношения с человеком, а особенно с женщиной, если они выходили за рамки десятиминутного разговора, без предварительно подготовки, то есть без метаморфоз, Хоуп не любил. Если уж делать дело, так надо к нему подготовиться, чтобы не полу-

чилось, что какой-то нелепый фактор помешал свершиться твоей воли. Этих самых факторов в его жизни и так было навалом и среди них были те, которые обыкновенной метаморфозой не устранялись, поэтому позволять себе спотыкаться там, где этого можно избежать, Хоуп не желал.

А с Крис получилось крайне забавно. Именно об этом он и размышлял вторую половину дороги до ее дома. Она тоже молчала. Шла перед ним по тропинке среди грядок с различной зеленушкой и периодически кидала на него взгляд через плечо – не отстал ли он, не устал ли, не стоит ли ей идти побыстрее, чтобы ему было удобнее.

– Вот сюда, пожалуйста, – она указала на ступеньку, ведущую на крыльцо.

Домик был небольшим, двухэтажным, белым, обитым вагонкой. Прямо над крыльцом висел балкон, справа окно первого этажа, над ним – окно второго.

– Фух, – Хоуп расстегнул рубашку сверху еще на три пуговицы, а потом, посмотрев на то, что осталось, расстегнул и последнюю. – Жарко у вас. В городе, наверное, совсем ужасно в такую погоду. Тут хоть речка есть.

– В городе тоже есть речки и водоемы. И еще там кондиционеры внутренние и уличные. Там гораздо приятнее. Разве вы не знали?

Хоуп покачал головой.

– Интересно, а откуда же вы? Из какой-нибудь городской окраины, небось? Сидите там безвылазно?

Хоуп кивнул.

– Хотите воды? Вы ведь ее принесли, спасибо большое, имеете теперь право попить.

– Ну от кружечки не откажусь.

– Я сейчас, – Крис поднялась по ступенькам и скрылась за дверью в доме.

Хоуп тем временем раздумывал над ситуацией. Решив, что раз дорожки по-прежнему не расходятся, то не стоит и париться над происходящим. Он еще не превратился в маньяка истин и познания, так что может позволить себе расслабляться, особенно, когда это только способствует его непосредственной деятельности.

А маньяков таких он видел. Им всегда не хватало одного или парочки уровней, чтобы выйти за пределы своей модели.

Крис вернулась со стаканом воды со льдом.

– Спасибо.

– Вам спасибо. Кстати, а как вас зовут?

«Ну все, теперь жизнь удалась», – сказал себе Хоуп, принимая стакан и вопрос.

– Хоупс, меня зовут Хоупс. И обращайся ко мне на «ты». Кажется, я старше тебя всего на чуть-чуть.

Дело было в том, что настоящего своего имени он никому за пределами родной модели не сообщал. Всякие недоразумения могут возникнуть. Поэтому он назывался производными от своего псевдонима именами, подстраивая их под имена тех, с кем ему приходилось общаться. Кем он только не был, и Хоуппервальдом и Хоуппервильдом и Хоупкенсом и просто Хопкенсом и Хоупштейном и Хоупштауном и де Хоупферштитдом и даже Швердшпуоком, в модели во многом зеркальной с его родной. На этот раз все вышло попроще. Можно было и не добавлять «с» на конце, но она почему-то добавилась почти автоматически. Это было совсем не принципиально.

– Присаживайся, – Крис указала на ступеньки, и сама приземлилась на одну из них, после чего с удовольствием, это рисовалось на ее лице, вытянула ноги и положила их друг на дружку.

– Устали? – спросил Хоуп, кивая вниз.

– Ноги?

– Ага.

– Да нет. Они у меня закаленные и послушные. Я их долго воспитывала.

- Завидую, – Хоуп присел рядом, стараясь не выдать лицом, как у него болит поясница.
- А чем ты зарабатываешь на жизнь? – спросила Крис.
- А разве на жизнь чем-то обязательно зарабатывать?

Девушка чуть замешкалась, потом улыбнулась – из чуть приоткрытого положения ее губы быстро и легко складывались в очаровательную улыбку – и сказала:

– Вроде бы принято так, что каждый человек каким-то делом зарабатывает себе на жизнь. Как же еще ему прокормить себя и близких ему людей? Ну и кроме того, разве можно жить без дела по душе?

- Действительно, – согласился Хоуп.
- Так какое же дело выбрал ты? Какое тебе по душе?
- Я – путешественник.
- Путешественник?
- Да.

– В каком плане? Я не до конца представляю смысл этой профессии, ведь у нас тут и путешествовать-то некуда. Вот Город, – она махнула рукой, – вот Деревня. Больше ничего и не надо. Вокруг Природа. Где же тут путешествовать?

Хоуп замялся. Слишком неосмотрительно он повел беседу, но ничего, дело было поправимое.

– Я не столько путешественник, сколько исследователь. Просто всю жизнь хотел путешествовать, узнавать что-то новое, но действительно, ты права, у нас тут и путешествовать-то негде, поэтому я исследователь, но предпочитаю называть свою профессию по-другому. Ну знаешь, будто бы я путешествую от одного открытия к другому. В переносном смысле, конечно.

Крис чуть помедлила, но в итоге все равно очаровательно улыбнулась. Вместе с улыбкой она всегда чуть прищуривала свои голубые глаза. От этого Хоупа пробирала давно позабытая им дрожь.

«Да, так не мудрено и опростоволоситься, надо постараться не потерять голову», – подумал он про себя.

- А что именно ты исследуешь, если не секрет?
- Нет, что ты, совсем не секрет. Я исследую эту... этот мир.
- Наш?
- Ну да, наш.
- Крайне любопытно. Расскажешь поподробнее?

Хоуп отхлебнул из запотевшего стакана и ответил:

– А может быть лучше, если я не просто расскажу тебе, а покажу?

– Вот это будет действительно здорово! – казалось, девушка искренне обрадовалась. –

А как это?

– Дело в том, что в сферу моих исследований входят и люди. Ну вот ты, например, могла бы послужить, так сказать, объектом.

– Как подопытный кролик? – засмеялась Крис.

Хоуп кивнул:

– Как подопытный зайчик.

– А что надо будет делать?

– Просто побеседовать со мной.

– А ты при этом будешь анализировать мои ответы, а потом составишь какой-нибудь вывод? Я читала об этом.

– Не совсем так. Я просто хотел бы получить от тебя кое-какую информацию. Мне будет интересен твой характер, твои стремления и мечты. Проще говоря, мне надо узнать, какая ты и какая твоя жизнь, но ведь на эти вопросы тяжело ответить вот так вот, напрямую. Поэтому мы поговорим немного, и я утолю свой, то есть научный интерес. Идет?

Крис опять улыбнулась и выставила в направлении его открытую ладонь.

– Дай пять!

Хоуп отдал ей «пять» хотя, если бы она попросила, отдал бы и десять, и сто двадцать семь миллионов.

– Теперь можешь задавать свои вопросы. Только надеюсь, они будут в рамках приличия, да?

– Конечно, – Хоуп сделал еще один глоток приятной холодной воды из стакана. Он чувствовал, как она спускалась в желудок, забирая излишнее тепло из организма и на какое-то время забывал про ноющую поясницу.

– Где ты родилась?

– Да здесь вот и родилась. Только само собой не в этом доме, а в том, что около дороги стоял, который сгорел.

– Кто твои родители?

– Моя мама Маргарет работает в местной оранжерее, выращивает цветочки, которые потом отправляют на продажу в город. Еще у меня есть брат Бренден, сейчас он на рыбалке с друзьями. Недалеко от дома, но вернется только к вечеру. Поэтому сегодня все домашнее хозяйство на мне. Но это совсем не в тягость.

– А чем он занимается?

– Он? Да пока особо ничем не занимается. Как, впрочем, и я. Домашними делами разве что. Он чуть постарше меня и совсем скоро ему придется определиться с делом, которое по душе. Наверное, он выберет рыбалку. Будет ловить рыбку для городских жителей, ну и для нас, конечно же.

– Понятно, а ты о чем подумываешь?

– Ой, я еще не знаю. Хотелось бы делать что-нибудь хорошее и доброе. Может быть, связанное с детьми. Иногда я хожу наблюдать, как купаются наши деревенские ребяташки. Слежу, чтобы никто не утонул, играю с ними в игры. Там кроме меня, конечно же, работают и настоящие спасатели, а я им как бы помогаю время от времени. Может быть, пройду курсы обучения и тоже стану спасателем. Как ты считаешь?

Хоуп не ожидал вопроса и слегка замешкался с ответом.

– Ну я не знаю, если тебе не станет в дальнейшем скучно от такой работы, то почему бы и нет.

– Что значит скучно? Разве это не хорошо, следить за детишками, оберегать их жизни? Мне кажется, это очень достойное занятие по жизни.

– Безусловно, – не без скрытого сарказма согласился Хоуп.

– А твой папа?

– Мой папа ушел от нас, – Крис выглядела чуть виноватой, говоря это.

– Какая неприятность.

– Да уж. Но это случилось десять лет назад. Я уже почти не переживаю. Первые десять лет моей жизни все было хорошо. Мы жили счастливой семьей. Папа, мама, Бренден, я. А потом что-то начало разлаживаться. Я тогда этого не понимала, просто стала замечать, что папа приходит с работы хмурый и подолгу сидит на веранде, ни с кем не разговаривая, это было еще в старом доме. А потом он исчез. Никому ничего не сказав, ушел и все. Оставил только записку, что очень нас любит, но ему надо уйти. С тех пор мы его не видели. А где-то через полгода у нас сгорел дом. Брендену было двенадцать лет и построить новый самостоятельно он, конечно, не мог. Но этого и не требовалось. Нам помогли друзья и соседи. К счастью, так уж устроен этот мир, что никого в беде не бросают. Все помогают друг другу, если это потребуется. Может быть тот случай на меня повлиял, но и я хочу помогать людям. Это так прекрасно.

– Извини за вопрос, но чем занимался твой папа? К чему у него душа лежала?

– Да я уже точно не помню, а у мамы как-то не спрашивала. Он занимался выполнением какой-то работы для Города.

– Но, как я понимаю, у вас тут почти все выполняют какую-то работу для Города, будь то ловля рыбы или выращивание цветов.

Крис пожала плечами и приподняла брови, всем своим видом выражая недоумение.

– Ну, как ты знаешь, так уж заведено, правда в определенный момент мы стали все больше и больше внимания обращать на собственную жизнь, на ее ценность и смысл. Сейчас же хотя мы и поставляем большое количество продукции в Город, но мы полностью обеспечиваем себя и даже закупаем нужные нам товары из Города. После закрытия Завода, а именно тогда была основана Деревушка, все мировоззрение людей окончательно поменялось. На передний план вышли их собственные цели и желания.

Оборот «как ты знаешь» смутил Хоупа, и он решил попридержать вопросы по поводу Завода и интересных рыночных отношений между Городом и Деревушкой.

– Ты упомянула свою жизнь, а точнее, ее смысл, ценность. Так вот, что же это для тебя?

– Да, – опять улыбнулась она, – с тобой не соскучишься. У тебя странные вопросы. Я, честно говоря, думала, что ты будешь спрашивать о чем-нибудь серьезном или, по крайней мере, интересном. А ты все по пустякам.

– Разве?

– Ну или какие-нибудь общеизвестные вещи спрашиваешь. Странное у тебя исследование и странные у тебя представления о личности человека, если на основе этих вопросов ты собираешься составить обо мне представление.

Хоуп и бровью не повел. Просто девочка понятия не имела, о чем сейчас говорит. Причем, как в отношении того, что относилось к нему, так и, что самое интересное, в отношении того, что относилось к ней самой.

– А что же я должен был спрашивать?

– Что? Тебе виднее. Ну хотя было у тебя несколько хороших вопросов. Относительно дел, к которым лежит душа.

– Ну вот видишь, ты же не стала на них подробно отвечать. Сказала, что, мол, сама еще не решила, чем заниматься. Так о чем же мне после этого надо было тебя спрашивать?

Крис еще сильнее, чем обычно раскрыла губы, Хоуп напрягся и переводил взгляд с губ на глаза и обратно. Ему казалось, что она хочет что-то сказать.

Наконец, Крис рассмеялась и сказала:

– Ты такой смешной, то слова говоришь забавные, а то как уставилась на меня, будто бы я не обыкновенная девушка, а дикобраз какой-нибудь.

– Просто мне показалось, что ты хотела у меня что-то спросить.

– Ну в общем-то так и было, но потом своим сосредоточенным видом ты меня очень насмешил.

– А чего ты спросить хотела?

– Ну..., что значит это слово... как ты его произнес... «мул»? Я первый раз такое слышу.

Несколько секунд Хоуп прокручивал свои предыдущие реплики в поиске слова «мул», потом улыбнулся и сказал:

– Ты ни разу не слышала слово «мол»? Ну это присказка просто, ненужное слово-паразит. Его можно опустить и от этого смысл фразы не изменится.

– Но если это так, то зачем же его использовать?

Хоуп ответил не задумываясь, его тренированный мозг не требовал на это времени, он мигом выдал единственный правильный в этой модели ответ.

– Говоришь я смешной, а сама задаешь вопросы гораздо забавнее моих. Что в этом мире нужно, а что нет, пускай решают глупые рационалисты. Нормальные же люди, в первую очередь ценят такие вот вещи, вроде этого словечка «мол». Они-то и делают нашу жизнь радостной

и приятной, позволяют получать удовольствия от жизни, всего того, что нас окружает. Разве не так?

– Ну вот, теперь ты заговорил как умный человек, – рассмеялась Крис. – А то я уже испугалась немножко. Слушай, а где ты все-таки узнал это словечко? Я его раньше ни разу не слышала, но теперь непременно буду использовать.

– Это профессиональное, все мои коллеги его используют.

– Понятно. Слушай, а можно теперь я тебя спрошу.

– Давай.

– А где ты живешь? В каком районе?

Пару раз такие вопросы ставили Хоупа в неловкое положение, такое, будто бы он канатоходец на большой высоте и чуть-чуть потерял равновесие, а в этот момент ему задают перемножить два четырехзначных числа в уме. А как-то раз, одним неловким положением дело не закончилось и последствия едва не поломали ему жизнь. После этого он разобрался с надоедливым вопросом навсегда. Теперь у него, словно в шпаргалке на руке, было заготовлено множество ответов. На все, так сказать, случаи жизни.

– Извини, но своего адреса я тебе сказать не могу. Вдруг ты решишь навестить меня, сделать мне сюрприз. А у меня жена и двое детей. Думаешь им понравится?

Крис рассмеялась.

– Ой, ты самый веселый человек, которого я встречала в жизни. Даже слишком веселый.

– Не вижу ничего смешного, – улыбнулся Хоуп.

Если это ей кажется смешным, то он не будет мешать.

– А где же твоя свадебная сережка? Почему ты не носишь ее, раз женат?

– Ладно, ты меня раскусила, я – холостяк.

Они посмеялись и замолчали. Незаметно для самих себя они промолчали несколько минут.

Стараясь не смотреть на девушку, Хоуп решил, что пора ему и честь знать и работу свою.

– Ну ладно, пойду я дальше свои смешные исследования проводить. Приятно было познакомиться.

Крис улыбнулась.

– А ты что будешь делать? – спросил Хоуп, поднимаясь со ступенек.

– Да делать, вроде, особо нечего, приготовлю ужин и, пойду, позагораю немножко.

Хоуп еще раз окинул красивое коричневатое тело девушки и в голове даже мелькнула мысль остаться с ней еще не на долго, но он себя удержал.

– Слушай, а какие из достижений цивилизации у вас в доме есть? – спросил он и поднял голову к небу, выискивая телеграфные столбы и электропровода.

– Да все у нас есть, кроме водопровода. Ну и телефона нет домашнего, только персональный.

– Мобильный?

– Не знаю, мобильный он или компактный, но мы его называем персональным.

– А может ты скажешь мне свой номер, я тебе обязательно позвоню.

– Позвонишь? – неуверенно переспросила Крис, будто бы не расслышав, а не так, словно сомневалась в правдивости намерения.

– Ну да, – Хоуп сделал слегка виноватое лицо, на всякий случай.

– Ладно, сейчас принесу визитку. Ты такой смешной, что я даже не буду в этот раз удивляться. Позвонит он. Эх, городские.

Крис зашла в дом, а Хоуп проводил ее бедра взглядом и остался ждать. Что ее смутило, он не понял, попробовал предположить, что она не верила ему – с точки зрения поведения женщины вполне объяснимо, но в данном случае он решил, что это не очень логично. На самом же деле, телефонные звонки в этой модели были совсем не тем средством, с помощью которого

достойному молодому человеку следовало привлекать внимание понравившейся ему девушки. Первое свидание обычно назначалось совсем другим способом. Но Хоуп этого не знал и у него появился еще один вопрос, с которым можно будет разобраться в дальнейшем при наличии свободного времени.

Еще Хоупа беспокоила реакция девушки на него. Она общалась с ним, как будто с инопланетянином. В том смысле, что он вел себя неадекватно этой модели, но это ее, похоже, не шибко смущало, будто бы каждый день, ну или в неделю раз стабильно, пришельцы из других моделей помогали то донести ей ведро, то вскопать огород, то покрасить дом.

На крыльце вновь появилась Крис, сунула ему квадратную карточку, сказала «пока» и развернулась к дому.

– Крис, – окликнул ее Хоуп. – Дай пять.

Она обернулась через левое плечо и улыбнулась:

– Звони, – подмигнув ему, она в третий раз скрылась за дверью, прихватив с собой стоящую в тени крыльца канистру.

Хоуп несколько секунд пожевал губу, смакуя эмоциональный момент, потом развернулся и направился к дороге.

Теперь он чувствовал себя почти своим человеком в этой деревне. Он хотя бы представлял, какие тут люди, чем занимаются, как живут. Слишком сильно полагаться на информацию, полученную от одного индивида, конечно, нельзя, но все-таки она многое значит для человека, впервые оказавшегося в чужом месте. А еще он думал о Крис. Встреча с ней взволновала его и мысленно он прокручивал сцену их знакомства снова и снова и так увлекся, что машинально придумывал продолжение этой короткометражки, несколько раз выводя ее из жанра романтических историй в эротику.

Пройдя немного вперед по аллее, он оказался на другой улице, она шла параллельно первой мостовой. На ней так же прогуливались несколько человек. Хоуп заметил, что на каждом участке около дороги на земле стоит маленькая коробочка или ящик. У каждого он своей формы и цвета. Он отметил несколько в виде голов животных, еще один был сделан как маленький домик, причем домик был точная копия того, который стоял на участке. Но больше всего ему понравился ящик, выполненный в форме филейной части человека. А между двумя полушариями, как и полагается, была узкая щель. «Наверное, для писем», – подумал про себя Хоуп и рассмеялся – это действительно были почтовые ящики. День пока складывался вполне удачно, и он был счастлив. Со времени его последней экспедиции прошло много времени и он, откровенно говоря, засиделся дома, а модель, из которой он только что чудом убежал, не принесла ему всех тех эмоций, на которые он обычно рассчитывает в путешествии, да еще и эти Бяки.

Дома ему всегда было чем заняться, но больше полугода проводить в свое удовольствие, сидя на одном месте он не мог. Но в этот раз обстоятельства сложились так, что как раз в тот момент, когда он уже собирался отправиться в экспедицию, непредвиденные проблемы задержали его. Но сейчас все было в полном порядке, и он получал удовольствие от прогулки по улице и от предвкушения интересных событий, которые непременно ждали его впереди.

– Извините пожалуйста, – обратился он к идущему навстречу мужчине в усах, – не подскажете, где здесь можно перекусить?

Мужчина с улыбкой остановился и удивленно посмотрел на Хоупа.

– Да собственно, где пожелаете. Я думаю, такому милому человеку у нас никто не откажет.

– Эээ... я имел ввиду, какие-нибудь общественные места. Точнее, места общественного питания. У вас же они имеются?

– Конечно, конечно, – закивал мужчина и объяснил, как добраться до местного трактира. – Обязательно попробуйте солянку, она просто великолепна, – мужчина подкрутил правый ус и попрощался.

Соблюдая указания, Хоуп уже через пять минут стоял перед продолговатым одноэтажным домиком с покрытой сеном крышей. Стены домика были то ли выложены из камня, то ли это была просто стилизация, но смотрелось аппетитно. Отворив дверь с маленьким окошком посередине, Хоуп вошел внутрь. На табличке над дверью было написано: «Трактир „Задушевная беседа или шумная пирушка“».

В помещении было гораздо прохладнее, чем на улице. «Наверное, сюда из города привезли кондиционер или что-то в этом роде», – подумал Хоуп. За длинными столиками, с обеих сторон которых стояли такие же длинные лавки, никто не сидел. Да и вообще, во всем заведении Хоуп был один. Наверное, именно поэтому человек за длинным деревянным прилавком так удивился при его появлении.

– Добрый день, незнакомец. Чего изволите желать?

– Здравствуйте, не многолюдно у вас тут.

– Так еще бы. Разгар рабочего дня, а следовательно – все трудяги на работе, а те, кто дома, могут насладиться блюдами собственного приготовления. Но так или иначе, вечером здесь будет не протолкнуться. Разговоры польются рекой. Молодежи-то конечно здесь скучновато, им дискотеки подавай, ночные заведения, а для людей зрелых нет ничего милее душевной беседы или иногда маленькая шумная пирушка тоже приходится очень кстати. Главное – все делать с расстановкой, а для этого мой трактир подходит как нельзя лучше.

– Учту на будущее, – кивнул Хоуп.

– Вы у нас в первый раз?

– Я у вас в первый раз. Покушать хочу.

– Конечно, конечно, сейчас устроим. Желаете отведать нашу фирменную солянку?

– Говорят, она просто великолепна, – улыбнулся Хоуп, надеясь, что не совершает ошибку заказывая солянку, ведь у него на родине это блюдо было последним пристанищем залежавшегося мяса, ветчины и сосисок.

– Если понравится, я могу дать вам рецепт. Конечно, всех секретов я вам раскрыть не смогу, но что-то подобное вы сможете приготовить и у себя в Городе.

Хоуп отметил пронизательность мужчины и сказал:

– Непременно так и сделаю.

– Что-нибудь еще?

– Не отказался бы от какого-нибудь десерта. Полностью полагаюсь на ваш выбор.

– Благодарю. Тогда присядьте куда вам будет угодно, я все принесу.

Бросив взгляд на лежащий журнал с большеглазой блондинкой на обложке, он удалился от прилавка и уселся на скамеечку спиной к стене где-то в середине зала. Признаков погони не было видно. Пока все шло хорошо и спокойно. Но что именно он будет делать дальше, Хоуп пока не знал. Путь его лежал в Город, но после недавней встречи с Крис ему будет не так-то просто уехать из Деревушки с легким сердцем. Тут надо было что-то решить.

Неожиданно Хоуп задумался о содержимом своей головы. «Интересно, собраны ли в ней все ответы, все знания и я всю жизнь просто пытаюсь расшифровать имеющуюся там информацию или все это поступает из внешнего мира, а после тщательного анализа систематизируется и упорядочивается? Тогда что из себя представляет непосредственно мыслительный процесс? То есть непосредственно размышления. Что это? Расшифровка и подборка нужного ответа из кучи вариантов или же именно его создание из разрозненных кусочков, когда мазок за мазком человек рисует себе нужное решение. Значит вероятность нахождения правильного

результата зависит не только от мастерства художника мысли, но и от входных параметров, с которыми ему предстоит работать. Тогда же как в первом случае, когда вся база данных уже загружена в голову еще при рождении, на передний план выходит чисто техническая работа по нахождению нужного из имеющегося. Словно шахтер с отбойным молотком, интеллект пробивает себе ход к ответу среди окаменелых основ мироздания и тайн, которые, сложенные в огромные горы, ждут своей очереди».

Все это интересовало его лишь по одной причине. С детства он пытался понять, самодостаточен ли человек по своей природе или же нет. Хватает ли ему самого себя, чтобы развиваться и расти или обязательны поступления информации со стороны?

На примере поведения человека в обществе Хоуп решил, что, вроде как, самодостаточен. Еще он придерживался мнения, что в вопросах взаимоотношений человек не может ошибаться. Это исходит из самой его сути. Всегда можно поступать так как тебе хочется и не стоит искать разрешения на это. Да, с моральной стороны вопроса тут не все бывает гладко, но мораль такая вещь, с которой он предпочитал не соприкасаться в размышлениях. Конечно, если кому-то вдруг взбредет в голову устроить поножовщину и переубивать кучу людей, трудно будет сказать, что этот маньяк прав. Но ответ кроется в самом определении такого человека – маньяк. Хоуп не знал точного значения этого слова, но так или иначе, это человек с искаженной психикой, точнее сказать, с другой психикой. Исходя из опыта своих путешествий Хоуп мог говорить о том, что просто человек оказался не в своей модели и наказывая такого преступника, люди, конечно же, исходят из своих представлений о жизни, но ведь и их жертва исходила из таких же своих представлений или, что более вероятно, своих желаний.

Все же такие экстремальные случаи он обдумывал крайне редко и не собирался ни заступаться, ни пытаться помочь нарушителям спокойствия большинства. Он и сам в определенной мере таковым являлся, поэтому излишне привлекать к себе внимание не любил. А вопрос взаимоотношений остро интересовал его восемь лет назад, когда из-за своего странного для других взгляда на вещи он имел существенные трудности при общении с окружающими, в подавляющем своем большинстве абсолютно не понимающими его. Сперва было не просто смириться с перманентной неизбежностью такого отношения к себе, но и на компромиссы с собственным Я в благоговейную пору максимализма идти было невозможно. А ведь тем временем, единственная разумная вещь, которую он слышал – совет «будь собой». Говорили это исключительные единицы, с которыми он и мог продолжать хоть какое-то общение.

Лишь к двадцати двум годам он смог окончательно разобраться в этой ситуации и выработать достаточно убедительные мотивации, следуя которым, мог периодически становиться полноправным членом общества и не испытывать при этом ни малейшего раздражения или дискомфорта.

Но существовал еще более глобальный вопрос, можно ли за счет внутреннего прогресса, долгого и обширного, как целая вселенная, выйти за рамки себя... то есть, копая внутрь можно ли очутиться снаружи? Способен ли он, замкнувшись в себе, познать окружающее? Не на банальном бытовом уровне, а на куда более масштабном.

Тут он теории предпочитал практику.

Когда Хоуп очнулся от размышлений, неожиданно и так нерационально унесших его в сторону, перед ним уже стояла высокая кружка и тарелка с хлебом, а трактирщик нес обернутый полотенцем горшочек внушительного размера.

– Вот, пожалуйста, приятного аппетита, – сказал он, ставя посуду на стол.

– Спасибо.

– Десерт подам, только если все съедите, – мужчина улыбнулся и удалился за прилавок.

Сначала Хоуп осторожно отхлебнул из кружки. Жидкость напоминала забродивший и определенно хмельной квас. Вкус был приятным, и он позволил себе сделать глоток побольше.

Солянку предлагали есть внушительных размеров деревянной ложкой, больше смахивающей на половник. Повертев ее в руках, он зачерпнул из горшка и, предварительно подув, попробовал фирменное блюдо на вкус: картошка, мясо, грибы. Потом ему попались забавного вида овощи, но по вкусу напоминающие знакомые ему помидоры и морковь.

«Странное дело, – думал он, – здешняя кухня и обстановка, да и вся Деревушка одним словом, не очень-то вяжется с пейзажем Города, полное ощущение того, что между ними пропасть в несколько столетий».

Солянку он доел и десерт ему дали: свежие ягоды с сиропом и печеные завитушки. Все было вкусно.

Закончив трапезу, иначе это было и не назвать, он подошел к прилавку расплатиться и кое-что разузнать.

– Спасибо, все было очень вкусно, просто незабываемо. Сколько с меня?

– Семьсот восемьдесят плюс налог на мясо... итого семьсот восемьдесят пять, – мужчина с улыбкой протянул ему две бумажки. Одна представляла собой список съеденных блюд и их стоимость, а вторая была исписана мелким убористым почерком, в котором все буквы имели одинаковый наклон. Такой почерк идеально подходил трактирщику и всей этой деревне.

– Это чек, а это?

– Я вам рецепт написал. Вдруг захотите себя побаловать.

Хоуп взял рецепт, улыбнулся и поблагодарил еще раз. При желании, он конечно же смог бы приготовить эту солянку и без рецепта, тем более все равно названия ингредиентов, написанных на бумажке о многом ему не расскажут.

Из кармана рубашки он достал банкноту и положил на прилавок рядом с большеглазой блондинкой на обложке.

– Так, ваша тысяча, сдачи двести пятнадцать, – сказал трактирщик.

Если тысяча для Хоупа имело очень абстрактный вид, ведь он никогда не встречал местных денег и вообразить как они выглядят не мог, то две положенные мужчиной банкноты по сто и три монеты по пять единиц местной валюты, выглядели вполне конкретно. Сотенки пестрились пейзажем Города в орнаменте, а монетки были чистенькими, желтенькими и блестящими.

Делать деньги и кое-какие предметы из ничего, Хоуп умел превосходно. Ему даже не нужно было дополнительного времени на концентрацию. Обычно ему хватало тех секунд, когда он не спеша подносил руку к карману и там тут же появлялась бумажка. А что на ней нарисовано, окружающие уже решали сами.

В этот раз трактирщик почему-то решил, что это тысяча, хотя наверняка существовали банкноты и большего достоинства, но обед был оплачен. Путешествие продолжалось.

– Извините, а вы не подскажите, как мне проще будет добраться до Города.

Трактирщик явно удивился вопросу. Наверное, его спрашивали об этом впервые.

– Вас, наверное, интересует самый экзотичный способ, который мы можем предложить? Хоуп на всякий случай кивнул.

– И правильно. Если уж выбрались к нам, то нечего на вертушках летать. Так половина удовольствия от поездки улетучится. А удовольствие, сами знаете, – наше все, – трактирщик заговорщицки подмигнул и опять подкрутил ус.

Хоуп снова кивнул.

– Ну тогда, что я вам могу посоветовать... езжайте рекой. Прогулочный прибудет..., – он взглянул куда-то под прилавок, – через восьмушку. Вам как раз хватит времени, чтобы добраться до причала. Катерок небольшой, но зато с ветерком и удобствами доплывете до самого Города. Там у него несколько остановок, конечная – Порт возле Парка Трех Озер.

– Я знаю, где находится Порт, спасибо.

Трактирщик замешкался.

– Эээ... я совсем не хотел объяснять вам, где находится Порт возле Парка Трех Озер, конечно же, вы и сами это знаете.

– Вот и отлично. Спасибо вам за все, до свидания!

– Причал знаете где?

– Найду! Язык до Города доведет.

Чувствуя на спине задумчивый взгляд трактирщика, Хоуп вышел на улицу. Да, перегибать – дело опасное.

Два раза спросив дорогу и немного пропетляв по Деревушке, Хоуп добрался до причала. Прогулочного катера пока не было видно, но несколько ожидающих человек свидетельствовали тому, что он не опоздал. Причал был скорее обыкновенной пристанью с маленьким домиком, где дряхлый старичок продавал билеты.

Погруженный в свои мысли, он разглядывал водную гладь. Если бы ему сказали озаглавить свои мысли на манер школьного сочинения, это звучало бы так – «роль трактирщика в жизни современной деревни».

И тут он подумал, а что, если то, чем занимается человек, изначально не имеет никакой значимости. Все дела, к которым лежит душа, одинаково пусты по своей сути, а смыслом их наполняют люди, когда выбирают себе занятие. Что если абсолютно не важно, чем ты занимаешься – чинишь трубы или сочиняешь симфоническую музыку на века. Нет никаких более важных или менее важных профессий и дел. Все это лишь игрушки, которыми тешатся люди от рождения до смерти. А из чувства тщеславия начинают утверждать, что их игрушка лучше, чем соседская. И он точно такой же, путешествующий с модели на модель, пытающийся постичь вселенную, содержащую мириады чужих моделей, но каждый раз ответы ускользают и опять он возвращается домой и опять отправляется в новую экспедицию со старыми надеждами. Так что, если он – всего лишь несчастный, чьи потребности требуют забавы колоссального масштаба, то он как ребенок-инвалид, нуждается в специально адаптированной под его несоответствие игрушке. И сейчас он может ухмыляться чему и кому угодно, считая, что стоит на абсолютно другой лестнице эволюции, но на самом деле, он просто играет в другую, непонятную остальным игру. А вся его саркастичность лишь от того, что у него нет друзей, готовых развлекаться вместе с ним.

Такую вероятность он никогда не отметал, но старался не попадать под ее влияние на слишком долгое время. Ведь как ни крути, его уже не переделать в этом отношении, а впадать в расстройство и длительные депрессии он считал крайне нерациональным. Хуже было, когда он еще не мог путешествовать. На Родине в какой-то момент он чувствовал почти сводящую его с ума тревогу и тоску. А путь к другим моделям был тяжел. Ему потребовалось так растянуть сознание, что иногда ему казалось, будто там не осталось ни одной твердой надежной стенки, о которую можно было бы опереться в трудную минуту. Все было настолько эластично, что прогибалось до самого омута безумия. И лишь какое-то невыразимо маленькое расстояние не давало ему туда провалиться.

Кончилось все хорошо. Растянувшись до нужных размеров и приняв соответствующие формы, сознание начало потихоньку твердеть и застывать, словно гипс. По нему уже можно было спокойно перемещаться и это не было похоже на прогулку по детскому надувному батуту в парке аттракционов, где каждый шаг чреват падением и равновесие приходится удерживать прямо-таки со стиснутыми в гримасе-улыбке зубами.

Вскоре после этого он и совершил свое первое путешествие. Та Модель, с ее бесконечными пробками индивидуальных транспортных кабинок, так и осталась для него не до конца понятой, но он не терял надежды вернуться на нее еще раз, для более тщательного и осмысленного осмотра.

Затем последовало много увлекательных путешествий, иногда модели были явными отражениями аспектов окружающего его мира, иногда он попадал в абсолютно невероятные места, с трудно истолковываемым смыслом, но в этих путешествиях он обрел смысл.

Из-за покрытого высокой травой поворота реки появился катер. Он был гораздо больше, чем Хоуп ожидал увидеть, но все-таки, до океанского лайнера ему была так же далеко, как и самой реке до океана. Зато русло обрамляли живописные пейзажами. Дальше, вниз по течению, берега поднимались над водой, а растущие на них деревья спускали вниз ветки, как дети спускают ножки, чтобы поболтать ими в воде.

Катер пристал к причалу и специально обученный юноша перекинул на него дощатый трап. Немногочисленные пассажиры перешли на борт. Кроме Хоупа, это была супружеская пара – он понял это по кольцу в ухе мужчины – с двумя детьми – мальчиком в матроске и девочкой с бантом; еще две девушки, одетые в брюки и легкие блузки; и седовласый старик, похожий на того, что продавал билеты.

На катере тоже были люди, но Хоуп не стал их разглядывать, а поспешил занять удобное для обзора место. Он лишь заметил сзади человека в широкополой шляпе и микрофоном в руках, судя по всему – экскурсовод, хотя о чем можно рассказывать, проезжая среди безлюдных берегов, Хоуп еще не знал. Через пару минут мужчина в шляпе, будто бы решив ответить на этот немой вопрос, прошептал в микрофон, а встроенные в интерьер колонки разнесли эти слова по всей палубе.

– Дistinguished присоединившиеся к нам пассажиры, я приветствую вас на этом суденышке, уверен мы в целостности и сохранности доберемся до конечного пункта. По дороге я немного поведаю вам о местах, мимо которых мы будем проплывать, – никакого энтузиазма в его голосе не было, а после такого яркого добродушия Деревушки это немного удивляло. – А сейчас мы отправляемся.

Специально обученный юноша убрал трап и перекинул швартовый канат. Хоуп подумал, что вскоре пацана могут повесить до продавца билетов, если конечно старикан не будет слишком долго цепляться за жизнь.

Катер плавно тронулся. Когда до пристани было уже метров двадцать, на ней появился еще один молодой парень и криком заставил всех пассажиров обратить на себя внимание.

Что именно он кричал, не давал расслышать работающий мотор, но судя по жестуляции, он призывал катер вернуться за ним. Специально обученный юноша успокаивал его и, видимо, объяснял, что тот опоздал и лучше ему подождать следующего рейса, но парень жестулировал все отчаяннее, а потом так резко направился в сторону воды, что специально обученному юноше пришлось обхватить его и силой не позволить нырнуть.

Сначала Хоуп встревожился, приняв парня за преследовавших его Бяк, но слишком тот суетился, чтобы быть одним из них. «Забавно», – мысленно улыбнулся Хоуп и вернулся к созерцанию проплываемых кустов.

Экскурсовод не спешил комментировать пейзажи и Хоуп раздумывал об этой новой для себя модели. А точнее, о людях, которых успел повстречать. Он уже вспомнил очаровательную и добрую Крис с ее полураскрытым ротиком, любезного трактирщика, разглядывающего на работе журналы и подающего неплохую солянку, старика в будке на причале, а сейчас думал о незадачливом парнишке, опоздавшем на катер. Хоуп всегда проникался состраданием к опаздывающим и если бы это было в его силах, то остановил бы катер и дал бы задний ход. Но все случилось иначе. В общем-то, невелико горе, но он почему-то чувствовал досаду оттого, что парнишка не попал на этот рейс. Точнее, его беспокоила причина, по которой тот так торо-

пился и досадовал на опоздание. Опыт путешествий по моделям научил Хоупа внимательно относиться к вещам, вызывающим не только его, но и общественное внимание.

«Интересно, – подумал он, – а это не мог быть Бренден?»

Он обернулся еще раз и нечаянно заметил на стуле позади себя знакомый журнал с большеглазой блондинкой на обложке. Не раздумывая долго, он взял журнал и положил его на колени. Тонкий, в мягкой цветной обложке. Скорее всего, какая-то женщина прочитала и оставила за ненадобностью. Мужчины же такими фотографиями не разбрасываются.

Блондинка испуганно смотрела прямо ему в глаза. «Каталина Блумблум: секреты удовольствия от популярной актрисы на странице 12», – прочитал он.

Легкий ветерок просачивался сквозь расстегнутую рубашку и остужал тело, играл с волосами, укладывая их то в одну прическу, то в другую. Хоуп открыл двенадцатую страницу и сперва понюхал разворот – знакомо пахло типографией. В общем, журнал был именно такой, к каким он привык: глянцева бумага, яркие цвета, статейки.

На странице имелась еще одна фотография блондинки. В черном коротеньком платьице она стояла, прижавшись к белой стене и, согнув ногу в колене, застегивала высокий сапог. Вторая нога была еще не обута. Хоуп наморщил лоб, пытаясь оценить снимок, но так и не смог решить, нравится ли он ему или нет. Отсюда следовало, что фотографу можно было бы чуть-чуть подкрутить руки и голову, во избежание дальнейших рецидивов.

«Сегодня звезда кинофильмов „Город счастья“, „Девушка у которой было все“ и „Пирамиды“ расскажет нам о том, к чему у нее лежит душа и поделится кое-какими тайнами».

Хоуп не смог сдержать улыбку, оторвался от журнала и осмотрелся по сторонам. Некоторые пассажиры стояли у бортиков и рассматривали воду или берега, другие сидели на стульях и тихонько болтали между собой. На него никто не обращал внимания и он вернулся к чтению.

«Мне кажется очень важно, – буквами на глянцевой бумаге говорила Каталина Блумблум, – чтобы человек понимал, чем он занимается и для чего. Так сказать, отдавал себе отчет. В таком случае нет принципиальной разницы какое именно дело по душе он выбрал. Актриса, режиссер, художник, музыкант, кондитер, водитель таксомотора, нет никакой разницы, главное, чтобы человек находил в этом удовольствие и смысл. Тогда жить будет не только приятно, но и интересно».

Хоуп оторвал глаза от журнала и подумал о любопытном заявлении, сделанном Каталиной. Для него существовал список слов, на которые он всегда резко и незамедлительно реагировал, где бы он их ни услышал или ни увидел. С такими вещами он шутить не любил и каждый раз узнавал об авторе как можно больше информации.

Слово «смысл» безусловно входило в этот список и употребив, его Каталина Блумблум вошла в другой список, сама того не ведая, список людей, с жизнью которых Хоуп желал ознакомиться поближе.

Хоуп собирался почитать дальше, но голос экскурсовода привлек его внимание.

– Дistinguished пассажиры, мы приближаемся к одной из главных достопримечательностей, находящихся вне нашего любимого Города. Это Поле Окончательного Освобождения. Как вы помните, это случилось в пятый год девятого цикла. К тому времени функции Завода уже окончательно утратили свою значимость и люди выбирали себе дело по душе. Но! – экскурсовод сделал тут сильное ударение. – Нашлись-таки глупцы, которым ход вещей был не по нраву. После закрытия Завода они продолжали настаивать на возобновлении его работы, – хотя история была явно ненормальная, среди пассажиров все-таки послышались смешки, – сначала они устраивали демонстрации в Городе и всячески привлекали к себе внимание, но были изгнаны оттуда по единогласному желанию горожан. Тогда они обосновались в Деревушке. И спустя несколько месяцев собрали армию и двинулись на Город. Добропорядочным людям ничего не оставалось, кроме как выдвинуть против них свою армию, укомплектованную добровольцами. Сражение состоялось как раз на этом поле. Несмотря на превосходящие силы

защитников Города, вероломные бунтари дрались как бешенные и оборвали много прекрасных жизней не менее прекрасных горожан. Но! – опять сильное ударение. – Защитникам удалось отстоять Город и разбить неприятеля. В честь победы поле было названо Полем Окончательного Освобождения от Завода или просто Полем Окончательного Освобождения.

Хоуп мысленно отметил, что необходимо поподробнее разобраться с этой историей и побольше разузнать про Завод. Где-то он уже про это слышал. Но так как по большому счету он разговаривал тут только с двумя людьми, то быстро вспомнил, что про Завод слышал от Крис. Кроме того, было непонятно, что случилось с армией «вероломных бунтарей». Ее остатки рассосались по окрестностям и начали разбойничать? А чего они пытались добиться, выдвинувшись на Город? Его полного захвата?

Само поле же не представляло собой ничего занимательного, а учитывая равнинный характер местности и отсутствие леса, неопытному человеку было абсолютно невозможно определить, где начинается и где кончается Поле Окончательного Освобождения. Единственными его вероятными границами, которые Хоуп мог определить, были река и Город.

Катер все ближе и ближе подбирался к Городу, словно солдат по траншее, он полз по реке к порту. И с каждым ее изгибом Город становился больше и грандиознее, постепенно занимая все поле зрения пассажиров катера, в ожидании смотрящих вперед.

Хоуп слышал некоторые разговоры. Люди делились друг с другом самыми сокровенными моментами жизни, связанными с этими бесконечно высокими зданиями, будто бы они возвращались домой после долгих лет странствий.

– Как-то раз меня выгнали из школы, – рассказывал своей спутнице невысокий мужчина в голубой рубашке и черных штанах. Через руку у него был перекинут пиджак. Спутница, как и многие женщины вокруг, была одета в легкое платьице затейливого дизайна. – А я учился в школе-интернате, далеко от дома, на другом конце города. Делать нечего, надо ехать домой. Родителям пытались дозвониться, но что-то там не выходило. Тогда я взял свои вещички и смотался. Домой сразу ехать боялся. Влетит мне, думаю. Решил погулять. Прошелся по Центральному бульвару, потом покушал в маленьком ресторанчике «Вечерний Звон», знаешь его?

– Конечно, конечно, – с умилением отозвалась его спутница.

– А я же пацаненок совсем был, все взрослые так удивлялись: мальчишка с сумками расхаживает по городу, ну я от греха и сел в ресторане. А на улице уже совсем вечер был. Посидел, покушал, кое-какие деньги-то у меня были. Потом я решил пройтись по Парку Трех Озер, погулять и посмотреть на звезды в воде. Сейчас-то я знаю, что это всего лишь отражение...

«Да что ты говоришь!», – подумал про себя Хоуп и обильно заулыбался.

– ... а тогда я чего-то начитался...

«Наглотался», – продолжал забавляться Хоуп.

– ... и мне казалось, будто три озера – это три совершенно иные вселенные и я смотрю на них как будто через окна.

Хоуп хотел пошутить еще, но сдержался. «Ладно, ладно, хватит. Совсем не смешные шутки у меня сегодня выходят. Пошутить кто-нибудь так при мне, я не знаю, что бы о нем подумал. А самому значит можно? Эх, нетерпимость...» Но дело тут было не в остроте шутки, а скорее в хорошем настроении и его поддержании. Будучи наедине с собой, Хоуп практиковал беспричинный фееричный смех. Остроты нужно приберечь для других, а себя веселить можно и так.

– Как романтично..., – поплыла спутница.

– Так вот, когда я подошел к Озеру Счастья, я поставил все свои сумки на траву и, так как был сильно расстроен из-за отчисления и боялся, что родители на меня очень рассердятся,

я прыгнул в воду. Думал, что если очень в это поверю, то попаду во вселенную сплошного счастья, где нет горестей и печалей, там я смогу сделать так, чтобы мои родители не расстраивались. А на улице-то не жарко было – вода прохладная.

«Ох, детство, детство. И трава-то была зеленее и деревья выше и вода прохладнее», – Хоуп опять залился внутренним хохотом.

– И как же ты, бедняжка, выбрался?

– Да там бродяга один спал, неподалеку. Он услышал, как в воду что-то плюхнулось. Потом рассказывал, будто сперва подумал, выкинули что-нибудь ненужное. Ну это одним людям ненужное, а ему, бродяге, может и пригодится. Вот он и пошел проверить, смотрит – а там паренек барахтается. Тут он меня и спас. Вытащил на землю, раздел, растер каким-то алкоголем своим. Вещи запасные у меня были в сумках, поэтому я тут же переоделся в сухое. Все карманные деньги я в ресторане оставил, поэтому бродяга поймал для меня таксомотор, оплатил его и отправил домой, взяв честное слово, что я не выкину какую-нибудь глупость.

– Доехал?

– Доехал.

– Родители сердились?

– Да не знаю уже. Тогда мне казалось, что очень сердились, а сейчас вспоминаю, так не отказался бы, чтобы они мне вот прямо на этом катере такую же взбучку устроили, но прошлого не вернешь... ни людей, ни событий – одни воспоминания.

«Ты только посмотри на него. Как пить дать, физиком работает».

– А бродягу ты нашел потом, отблагодарил?

– Нет. Не успел. Сначала как-то не хотелось вспоминать, а потом... когда я уже вырос, я увидел его по телевизору. Его арестовали. Громкое дело было. Он оказался одним из лидеров банды заводчиков, они тогда устроили какую-то акцию, парализовали движение в центре на несколько часов, требовали, чтобы в университете возобновили преподавание заводческого дела.

– Ничего себе, а я еще подумала, какой человек хороший тебе попался, а он возьми и окажись преступником, – спутница казалась не на шутку разочарованной, словно перед свадьбой ей сказали, что ее жених активно борется за права животных лишь потому, что на самом деле втихую на них охотится.

Мужчина пропустил ее замечание и продолжил.

– Так что видишь, как же я могу не любить наш Город, когда у меня столько с ним связано.

– А у меня была другая история, как-то раз мы всей семьей поехали в район цветов... – начала спутница, но Хоуп встал со своего места и отошел к перилам. Тему Завода они оставили, а еще одну порцию лирики слушать ему не хотелось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.